

ЛОГОΣ

ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

№8

ЛОГОС

ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ № 8

Издательство РГГУ

Русское феноменологическое общество

1996

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ректор академик Афанасьев Ю.Н.

Лаборатория «Язык современной философии»

РУССКОЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Председатель д.ф.н. Зотов А. Ф.

АКАДЕМИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITOR STAFF

В.В. Анашвили	V. Anashvili
<i>(Главный редактор)</i>	<i>(Editor-in-Chief)</i>
Т. Дмитриев	T. Dmitriev
Е.И. Крейзер	E. Crayzer
И.А. Михайлов	I. Mikhailov
О. Никифоров	O. Nikiforov
<i>(Соредактор)</i>	<i>(Co-Editor)</i>
И. М. Чубаров	I. Tchubaroff
<i>(Соредактор)</i>	<i>(Co-Editor)</i>

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

SCIENTIFIC COUNCIL

Фр. В. фон Германн	Friedrich W. von Hermann	<i>(Freiburg)</i>
С. Зимовец	S. Zimovets	<i>(Moscow)</i>
В. В. Калинин	Vlad. Kalinichenko	<i>(Moscow)</i>
А. А. Михайлов	Anatoly Mikhailov	<i>(Minsk)</i>
В. И. Молчанов	Viktor Molchanov	<i>(Rostov-Don)</i>
Н. В. Мотрошилова	Nelly Motroschilova	<i>(Moscow)</i>
Х. Мёкель	Christian Möckel	<i>(Berlin)</i>
Э. В. Орт	Ernst Wolfgang Orth	<i>(Trier)</i>
Фр. Роди	Frithjof Rodi	<i>(Bochum)</i>
К. Хельд	Klaus Held	<i>(Wuppertal)</i>
К. Шпар	Calvin O. Schrag	<i>(West Lafayette)</i>

СОДЕРЖАНИЕ

К 400-летию со дня рождения Рене Декарта

МИХАИЛ ГАРИЦЕВ	7	<i>Проблема абсолютной свободы у Декарта</i>
ЖАН-ПОЛЬ САРТР	17	<i>Картезианская свобода</i>
СЕРГЕЙ ЗИМОВЕЦ	32	<i>Траектория человека: между кривой тела и прямой духа</i>
ТИМОФЕЙ ДМИТРИЕВ	38	<i>Декарт и лингвистическая философия</i>
АЛЬФРЕД АЙЕР	44	<i>Я мыслю, следовательно я существую</i>

Отдел I. Исследования

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВ	52	<i>Литература и философия языка</i>
АЛЕКСАНДР ХААРДТ	69	<i>Эстетический опыт и образное сознание у Гуссерля</i>
ОЛЕГ НИКИФОРОВ	78	<i>Хайдеггер на повороте: Основные понятия метафизики (1929-1930)</i>
РУСЛАН ХЕСТАНОВ	92	<i>«И — остановился перед ироническим либерализмом». Читаем Герцена глазами Рорти</i>
ВЛАДИМИР МАЛАХОВ	117	<i>Возможна ли философия по-русски?</i>

Отдел IV. Современная философия

БЕСЕДА С РИЧАРДОМ РОРТИ	132	<i>Философия без оснований</i>
РИЧАРД РОРТИ	155	<i>Прагматизм без метода</i>
РИЧАРД РОРТИ	173	<i>Тексты и куски</i>
ЖАН-КЛОД ВОЛЬФ	190	<i>Прагматизм с методом или без такового? Рорти versus Дьюи</i>

Отдел III. Литература и философия

МИХАИЛ РЫКЛИН	206	<i>Колыбель качается над бездной (Ричард Рорти читает Владимира Набокова)</i>
ВИКТОР ЕРОФЕЕВ	219	<i>Набоков: затмение частичное</i>

Отдел IV. Сообщения. Библиографии. Рецензии

БИБЛИОГРАФИИ	225	Литература по философии в 1996 г.; SUHRKAMP VERLAG — 1996
ИГОРЬ МИХАЙЛОВ	245	Рецензия на книгу «Martin Heidegger. Grundprobleme der Phaenomenologie» Рецензия на книгу «Wambach Charles R. Heidegger, Diltbey and the Crisis of Historizism»
АЛЕКСЕЙ РУТКЕВИЧ	270	<i>Политический контекст немецкой психиатрии</i> (Рецензии на книги издательства S. FISCHER VERLAG)
ВАДИМ РУДНЕВ	280	Рецензия на книгу «Б. Рассел. Введение в математическую философию»
МИХАИЛ РЫКЛИН	284	Рецензия на книгу «В. Беньямин. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости»

Martin Heidegger Grundprobleme der Phänomenologie. Vorlesungen WS 1919-20 // Heidegger M. Gesamtausgabe. Abteilung II: Vorlesungen. Frankfurt a/M.: Vittorio Klostermann. 1993. 290 S.

«В самой природе феноменологических исследований заложено то, что их нельзя реферировать в укороченном виде...»

М. Хайдеггер

... По большому счету, наше намерение дать в этом номере «рецензию» на «Основные проблемы феноменологии» Хайдеггера обречено на неудачу. Ведь его лекции 1919/20 гг. как раз и относятся к тем, которые можно было бы обозначить как «феноменологические» в хайдеггеровском смысле. В чем же заключаются основные трудности? Движущийся медленными шагами ход авторских размышлений, постоянно перепроверяющий обоснованность каждого сказанного слова, снова и снова возвращающийся к дополнительному прояснению исходных установок исследования. Поиски языка: ощупывание и взвешивание слов, испытание, «просвечивание» их во всевозможных новых словосочетаниях, привлечение обыденного языка для отражения мельчайших микродвижений мысли. Все это создает текст особого характера, в отношении которого «любая подробная передача содержания была бы – говоря феноменологически – недоразумением»¹. Действительно, лекции Хайдеггера не дают ничего такого, что можно было бы «взять на вооружение», чем мы были бы в состоянии оперировать как фактом или оценивать как «позицию». В более поздних хайдеггеровских лекциях немного успокаивается «терминологическое буйство» и значительно более сильно чувствуется тенденция к систематизации, изложению какого-то определенного материала. Примером здесь могут послужить лекции по «Феноменологии созерцания и выражения» (Летний семестр 1920 г.), в которых Хайдеггер, на наш взгляд, пытается перейти от рассмотрения «фактической жизни» к выявлению ее внутренне историчного характера. «Основные проблемы феноменологии» являются необходимой предварительной работой для выполнения этой задачи. «Онтология. Герменевтика фактичности» (летний

¹ Продолжение вынесенной в эпиграф мысли Хайдеггера, относящейся к «Логическим исследованиям» Гуссерля – Heidegger M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs // Gesamtausgabe II. Abteilung: Vorlesungen 1919-1944. Bd. 20. Frankfurt a. M.: Klostermann. 1979. S. 32.

семестр 1923 г.) представляет собой также систематическое изложение уже свершившейся хайдеггеровской мысли. В 1923 Хайдеггер не прокладывает новые пути (как в 1919 г.), но занимается построением, развитием своей философии, пользуясь достигнутым ранее как результатом. В большей или меньшей степени это свойственно всем его лекциям после 1923 года. Так, и во «Введении в феноменологическое исследование» (зимний семестр 1923/24 гг.) ход размышлений Хайдеггера подчинен, скорее, «методическим» задачам, вытекающим из принятия «фактической жизни» (или: «фактичности», «тут-бытия» <Dasein> — все термины используются пока как равнозначные синонимы) в качестве отправной точки движения: критике феноменологии Гуссерля, а также выяснению условий, при которых «сознание» превращается в центральную феноменологическую категорию. Чрезвычайно сильно хайдеггеровский «систематизм» ощущается также и в § 4 «Пролегомен к истории понятия времени» (летний семестр 1925 г.)².

«Основные проблемы феноменологии» имеют, напротив, в значительно большей степени экспериментальный характер, затрудняющий воспроизведение их содержания в любой форме. Однако подробное прослеживание хайдеггеровского хода мысли необходимо, чтобы дать представление о работе, которая, по детальности анализа, глубине и масштабности замысла скоро будет, возможно, рассматриваться как один из основополагающих, «классических» трудов по теории «неклассической» феноменологии.

1. Исторический контекст появления лекций

Чтобы перейти непосредственно к размышлениям Хайдеггера, необходимы некоторые краткие предварительные замечания, касающиеся ситуации, сложившейся в феноменологии в 1910-1919 гг. и экзистенциальных мотивов феноменологии Хайдеггера.

Своей славе и в 10-х гг. XX века начинающей набирать силу популярности феноменология была обязана таким произведениям Гуссерля, как «Логические исследования» (1900/01), «Философия как строгая наука» (1911), «Идеи к чистой феноменологии (кн.1)» (1913), а также лекциям и семинарским занятиям Гуссерля во Фрайбурге и Гёттингене. Популярности способствовала и явная нацеленность Гуссерля на создание феноменологического сообщества, понимаемого им как сообщество единомышленников. Еще в 1904 году при посредничестве Иоганна Дауберта он вступает в контакт с мюн-

² См.: Heidegger M. Phänomenologie der Anschauung und des Ausdrucks. Theorie der philosophischen Begriffsbildung (SS 1920) // Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1919-1944, Bd.59, Frankfurt a.M. 1993. 202 S. Heidegger M. Ontologie (Hermeneutik der Faktizität) (SS 1923) // Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen. Bd.63 Frankfurt a.M. 1987. 116 S. Heidegger M. Einführung in die phänomenologische Forschung (WS 1923/24) // GA Bd. 17. Frankfurt a.M. 1994. 332 S.

РЕЦЕНЗИИ

хенскими учениками Теодора Липпса. Одной из первых важных вех на пути этого сотрудничества стало создание рабочего сообщества, заявившего о себе в 1913 году первым выпуском «Ежегодника по философии и феноменологическим исследованиям». Различия во мнениях поначалу не воспринимались в качестве мешающих – скорее, как обстоятельства, обогащающие совместное исследование³. Первые признаки разлада внутри сообщества появились в начале двадцатых, и стали отчетливо заметными к концу двадцатых годов.

Основные упреки – главным образом, со стороны Гуссерля – были вызваны его впечатлением, что коллеги с недостаточной серьезностью восприняли высказывавшиеся им после 1911 года идеи. К ним, в первую очередь, относится идея трансцендентальной редукции и развиваемая Гуссерлем конститутивная проблематика.

Расхождения между различными феноменологическими школами проявлялись в разных формах, и спорящие стороны далеко не всегда могли сойтись на том, чем же «феноменология» является⁴. Но дело не столько в термине, сколько в исследовательской программе, замышлявшейся как предприятие, нацеленное на создание основы для всей системы научного знания и должное объединить этой своей задачей широкий круг исследователей⁵. По-видимому, сама возможность такого рода программы определялась общей ситуацией в немецкой культуре начала XX века, позволявшей каждому воспринять ставшую вновь актуальной идею радикальной науки как свое собственное дело, которым он бы мог на правах равного заниматься в сообществе единомышленников.

³ Подробнее смотри: Spiegelberg H. EPOCHÉ und Reduktion bei Pfänder und Husserl // Pfänder-Studien. The Hague. 1982. S. 3-7.

⁴ Ситуация зимнего семестра 1917-18 гг. «Я передала приветы от Пфэндера, – рассказывает о беседе с Гуссерлем ученица Пфэндера Герда Вальтер, – на что Гуссерль осведомился о делах своего коллеги, и, потом, к моему удивлению, сказал, что, если я слушала феноменологию в Мюнхене, то у него таятся некоторые сомнения на этот счет – являлась ли она тем же самым, что понимает под феноменологией он. По словам Гуссерля, ему было не вполне ясно, закончилось ли в Мюнхене дело анализом сущности или нет...» – Walther G. Zum anderen Ufer. Vom Marxismus und Atheismus zum Christentum. Remagen. 1960. S. 204. (Цитируется по: Smid R.N. «Münchener Phänomenologie» Zur Frühgeschichte des Begriffs // Pfänder-Studien. S. 109-153.).

⁵ Как подлинно великое начинание, феноменология была с самого начала «полифонична» в отношении своих представителей. Можно было бы даже попытаться показать, что «Феноменология» начинает развиваться в философских кругах до и независимо от введения в оборот сходной установки Гуссерлем. – См. работы: Smid R.N. op. cit.; Spiegelberg H. EPOCHÉ und Reduktion ..., S 3 – 34.

Поэтому здесь важно исходить не из устоявшегося к нашему времени представления о феноменологии, а попытаться представить себе исторический контекст развития этого философского направления.

2. Анализ содержания лекций

Первоначальное желание максимально полно воспроизвести ход размышлений Хайдеггера кроме обозначенных нами в самом начале трудностей натолкнулось также и на естественные ограничения, накладываемые допустимым объемом материала. Мы решили пожертвовать завершенностью рецензии в пользу ее подробности. Насколько это оказалось оправданным – судить читателю. Наше рассмотрение охватывает лишь 20 параграфов хайдеггеровского текста: ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССМОТРЕНИЕ, *Первую часть* исследования – «ЖИЗНЬ КАК ИЗНАЧАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ ФЕНОМЕНОЛОГИИ» – и начальные параграфы *Второй части*, озаглавленной: «ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК ИЗНАЧАЛЬНАЯ НАУКА О ФАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПО СЕБЕ».

Чрезвычайно важными являются также «Реконструкция заключительной части по записям Оскара Беккера» и собранные в приложениях разрозненные листки с записями Хайдеггера, поясняющими отдельные положения основной части. Частично они цитируются в ходе изложения первых параграфов текста лекций.

2.1. Возможность новой формулировки идеи феноменологии

Не только отсутствие к 1919 году единой версии феноменологии подвигает Хайдеггера на то, чтобы заняться ее теорией и выяснением условий возможности феноменологии как таковой. Хайдеггер полагает, что напряжение (*Spannung*) внутри самой феноменологии, замеченное и Гуссерлем, «значительно более принципиально и более важно для будущей судьбы феноменологии, чем в это хотелось бы верить Гуссерлю» (S.17). Рассматривая современное ему состояние в области феноменологических исследований, Хайдеггер делает вывод о том, что «феноменология» не представляет собой некоего нормативного образца – по его мнению, «не существует чего-то вроде ортодоксальной феноменологии или принуждения к какой-либо школе: решающей является подлинно *исследовательская*, не-дилетантская работа» (S.17). Именно такую позицию в отношении феноменологии занимали многие мыслители, начинавшие становиться известными в Германии в до- и послевоенные годы. В приведенной выше цитате Хайдеггер почти дословно повторяет оценку состоянию нового направления, данную в 1916 году Максом Шелером⁶. Да и сам Шелер лишь в немногом расходится с характеристикой нового философ-

⁶ Шелер М. Феноменология и теория познания (1917) // Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994, С. 198.

ского начинания, данной Гуссерлем во вступительном слове к изданию первой книги Ежегодника⁷.

2.2. Феноменология как проблема для себя самой. Применение «феноменологического метода» к построению феноменологии.

Хайдеггер желает подойти «феноменологично» к самой феноменологии, т.е. выяснить сначала, *что и каким образом* должно с необходимостью стать ее темой. В основе лежит точка зрения, с которой трудно не согласиться. Ведь по своему изначальному замыслу феноменология «не имеет права взять свою научную проблематику со стороны, от чего-то ей чуждого» (S. 2). Проблемная сфера и метод должны быть, следовательно, получены из истоков самой феноменологии, ибо «только настоящая и конкретная реализация и следование заложенным в ней самой “тенденциям” ведет к ней самой и ее подлиннейшей проблемной сфере» (S. 2). В этом смысле «изначальная и самая последняя кардинальная проблема феноменологии есть *она сама* для себя самой» (S. 1).

Многokrратно повторенный Гуссерлем тезис о феноменологии как *основополагающей* науке принимается Хайдеггером с самого начала, но перетолковывается в своем «предельном» смысле (S.17) – как идея об *изначальной* науке «об абсолютном происхождении духа самого по себе и для-себя-самого – “жизни самой по себе и для-себя”» (S. 1). Эта по-гегелевски звучащая формулировка подтверждает свое происхождение дальнейшей ссылкой на «Феноменологию духа» (S. 11). Однако не Гегель, а философия В. Дильтея оказывается решающей в выборе Хайдеггером «жизни» как «изначального феномена» феноменологии. Именно философия Дильтея с ее тематизацией «жизни» как «первой» и «последней» реальности, за пределы которой невозможно выйти в мышлении, создала благоприятные предпосылки для толкования «жизни» как «изначального феномена».

Хайдеггер стремится показать, «что феноменология есть не случайное философское изобретение, не просто новая система ... но что ее существование *необходимо*, т.е. что существуют подлинные радикальные мотивы духа, ведущие к ней» (S. 171). Полагать лежащим в основании феноменологии нечто, само являющееся предпосылочным, означало бы с самого начала исследования ограничить ее универсальность и абсолютно изначальный смысл. Единственно беспредпосылочным началом была бы «фактическая жизнь в ее фактичности и богатстве ее отношений», поскольку она есть для нас ближайшее (Nächste) – «мы сами являемся ею» (S. 173).

⁷ Husserl E. Vorwort (Zum Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. Bd. 1. 1913) // HUA XXV, S. 63 – 64.

В силу того, что такая позиция сама следует из фактической жизни и ее фактичности, ее обоснованность может быть подтверждена или опровергнута, «если я вообще фактически являюсь фактическим и найду возможные пути из него самого и находящиеся в нем самом» (S. 173).

2.3 Проблема «начала» как феноменологическая проблема. Поиски путей к жизни как к изначальной области феноменологии.

Изначально мы не можем говорить, «будто в феноменологии есть специальные проблемы – в ней есть только конкретные проблемы», – замечает Хайдеггер (S. 26). Проблемы, в свою очередь, выражаются «в характере постановки вопросов, методе, отнесенном к некоторой предметной области». Хайдеггер, верный требованию, согласно которому вещи, предметная область, должны диктовать ход исследования, оставляет высказанную в начале лекций мысль о жизни как «изначальном феномене» в качестве гипотезы. Ставится общий предварительный вопрос: каким образом может быть дана, получена проблемная сфера или область. Дана ли она «просто так»? И что вообще означает «данность» – «это волшебное слово феноменологии» (S. 5)?

Обозначив проблему начала феноменологического исследования как для феноменологии принципиальную, Хайдеггер задает еще один – более фундаментальный вопрос – что есть это самое «начало» с точки зрения феноменологии? Не подразумевается ли здесь начинание в некоей точке и последующее *линейное* продолжение? «Поскольку мы сами стоим на <этой> линии, нам не может удастся встать на какую-либо точку вне ее» (S. 4). Проблема начала тесно связана с методом феноменологии. Метод должен, по Хайдеггеру, определяться, «вырастать» из определенной *проблематики* (S. 5). И эту мысль вполне можно считать соответствующей основному пафосу гуссерлевской феноменологии. Действительно, предполагается, что вещи (или: проблемная область) должны диктовать ход исследования. Хайдеггер настаивает на важной для него конкретизации этого тезиса: сами проблемы формулируются в зависимости от «характера постановки вопросов (выд. нами – И.М.), метода, отнесенного к некоторой предметной области» (S. 4-5). Правда, подлинно новаторским для феноменологии это дополнение назвать нельзя. В несколько иной форме он постоянно варьируется в трудах и лекциях Гуссерля: «Логические исследования», «Идея феноменологии. Пять лекций» (1907); «Феноменология и психология» (1917) и выражено в противоположности «обыденной» и «феноменологической» установки.

2.4. Непосредственное начало

Непосредственному начинанию феноменологического анализа предшествует разбор Хайдеггером основных позиций, направлений и систем современной философии (§ 2), и анализ исторических и систематических аспектов употребления слова «феноменология» (§ 3) – от «Феноменологии духа» Гегеля и протестантской теологии XIX века до использования термина у Пфэндера и Гуссерля. Основные характеристики феноменологии, которые в качестве важных выделяет Хайдеггер таковы: отказ от любых теорий относительно природы психического, описательный характер рассмотрения. Последующий § 4 посвящается различным «искажениям» идеи феноменологии. К таковым Хайдеггер относит понимание феноменологии как науки, всего лишь разясняющей значения слов и движущейся в русле прояснения тавтологий. Подобные толкования, сводящие роль феноменологии к уточнению основных философских понятий, сужают изначальный замысел феноменологии, «встраивая» ее в уже существующую систему философских дисциплин. Столь же недопустимым считает Хайдеггер «мировоззренческое расширение» идеи феноменологии, представители которого полагают достаточным «интуитивно настроить себя», чтобы была решена проблема очевидности.

В определении Хайдеггером феноменологии как наиболее радикального исследования всегда присутствует и озабоченность проблемой самой жизни как таковой, что можно толковать как отголосок кризиса культуры XX века, связанного с Первой мировой войной.

«Всеохватывающая беспомощность овладела нашей сегодняшней жизнью, ибо жизнь отделилась от подлинных истоков самой себя и протекает на своей собственной периферии ... Мы сегодня настолько сведены с пути и испорчены неподлинной понятийностью, что почти уже не видно возможности выйти из этой до самих корней простирающейся испорченности» (S. 20).

Решающее усилие в преодолении этой беспомощности должно быть, по Хайдеггеру, сделано именно феноменологией и теми, кто над ней работает. Однако в связи с этим обстоятельством для Хайдеггера встает следующая проблема: как может *конкретный исследователь* реально осуществить (воплотить в себе) феноменологическую установку, т.е. «настроиться на живые мотивы и тенденции духа» (S. 24), где контролем может быть только внутреннее призвание и самопроверка? Как «настроиться» на феноменологию, предполагающую вывести культуру из кризиса, когда *сам* принадлежишь культуре, находящейся в состоянии кризиса? То, что для Гуссерля было более или менее самоочевидным, становится серьезной проблемой для Хайдеггера⁸. Все

⁸ Не хотелось бы создавать впечатление, будто Гуссерль был «менее строг» в выявлении и деструкции самоочевидностей. Речь идет о том, для Хайдеггера проблематичен *сам акт перехода* от «наивной веры в реальность окружающего мира» к «феноменологическому созерцанию».

вышесказанное к ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ РАССМОТРЕНИЮ хайдеггеровских лекций. За ним следуют части, несущие основную смысловую нагрузку. Первая из них обозначена так: ЖИЗНЬ КАК ИЗНАЧАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ ФЕНОМЕНОЛОГИИ.

Темой § 5 становится выяснение особенностей настраивания-себя на «феноменологическую установку» (phänomenologische Grundhaltung). Поскольку в феноменологии нет никаких «специальных проблем», то вывести нас на какую-либо конкретную проблематику может только доступ к «изначальной области» (Ursprungsgebiet) феноменологии (которую Хайдеггер в своих лекциях отождествляет с феноменологией (S. 26-24; 203-204).

Изначальная область не дана нам, и о ней нам из нашей «практической жизни» неизвестно ничего. Мы лишь можем попытаться методически «приблизить ее к себе», совершая своеобразное «осматривание» в нашей «практической жизни». По мнению Хайдеггера, не существует так называемых «непосредственных данностей» философии (S. 26), и задача исследователя заключается в том, чтобы сперва ее «заполучить» (erst zu gewinnen – § 6, S. 27-29). Феноменологическая проблематика не может быть дана или найдена в «жизни самой по себе», поскольку жизнь есть что-то «настолько близкое нам, что мы, большей частью, не беспокоимся об этом явно», по отношению к ней мы «почти не имеем никакой дистанции», чтобы увидеть ее в «ее вообще». Дистанция к жизни отсутствует, потому что «ею являемся мы сами» (S. 29).

Последним выводом Хайдеггера было заключение о невозможности непосредственного доступа к изначальной области, находящейся в жизни «самой по себе». В § 7 Хайдеггер пытается понять, чем же эта «жизнь по себе» является.

Жизнь, в которой мы себя находим, обнаруживает самодостаточный, всеохватывающий характер: «жизни нет необходимости выходить за пределы самой себя, чтобы привести к исполнению свои истинные (genuinen) тенденции. Она разговаривает с собой неизменно на собственном «языке». Она сама ставит себе задачи и требования, которые всегда остаются исключительно в ее собственной области» (S. 31). Поэтому у исследователя нет иной возможности кроме той, чтобы, «оставаясь в самой жизни и осматриваясь в ней», попытаться увидеть, «... не имеется ли там чего-либо вроде “начала” (Ursprung), “изначальной области”» (S. 30):

«Мы наблюдаем за “жизнью по себе” и смотрим, есть ли в ней какая-нибудь особая черта, предметно требующая однозначного понятийного ... ограничения, и которую мы впоследствии должны были бы использовать в научной проблематике только в этой - из вещей вытекающей и из них взятой - смысловой определенности» (S. 30).

3.5. Первые шаги

Человек, пытающийся, опираясь только на свою конкретную жизненную ситуацию и исходя только из нее, найти нити, ведущие к научным проблемам, обречен в первых шагах своего «осматривания» на констатацию неких самоочевидных вещей. Что, например, может происходить в реальной жизни? – Поставив этот вопрос, Хайдеггер, приводит следующие примеры самоочевидного:

«Человек слушает или читает лекцию, занимается той или иной наукой, работает с той или иной степенью интенсивности, может заниматься спортом, политикой, участвовать в выборах. Человек “врастает” в определенную профессию, в его жизни может наступить временная стабильность или, наоборот, метание из крайности в крайность».

Так, всегда есть «определенная, хотя и варьирующаяся – временами расширяющаяся, временами сужающаяся – область (Umkreis) “вещей”, которые в определенное время «определяют» мою жизнь то так, то иначе и лежат “в” направлении моей жизни (на самом деле – находятся в ней)» (S. 32).

Эти несомненные, по мнению Хайдеггера, наблюдения позволяют сделать вывод об определенной «*направленности*», присущей жизни:

«Ты, он, она, мы – всегда живем в каком-либо *направлении* (большой частью так, что направление отчетливо нами не осознается ... оно может охватить меня или прокрасться ко мне, или просто быть. Но может быть и так, что временами какос-нибудь *направление явно овладевает нами...*)» (S. 32).

Так, *направленность* жизни оказывается первой обнаруживаемой Хайдеггером «особой чертой», или «характеристикой», «требующей понятийного ограничения». Возникает искушение тут же истолковать «*направленность* жизни» как хайдеггеровский вариант сформулированной Гуссерлем интенциональности сознания, однако этот вопрос требует отдельного рассмотрения⁹.

Наряду с *самодостаточностью* и определенной *направленностью* жизни, важнейшей ее особенностью становится так называемый «*мировой*» характер (S. 33-38). Наша жизнь не может быть отделена от того, «в чем она протекает», считает Хайдеггер. Жизнь не только невозможна без мира, но и в определенном смысле тождественна ему: «Наша жизнь есть наш мир, причем редко так, чтобы мы просто наблюдали его, но, скорее, так, что всегда – пусть и незаметно – скрыто «участвуем» в нем: будучи «связанными», «отталкиваемыми», «наслаждаясь» или «отказывая» (entsagend). ... И наша жизнь только постольку жизнь, поскольку живет в мире» (S. 33-34). Так, мысль, которая получит у Хайдеггера концептуальное оформление как «бы-

⁹ Ср. осторожность в этом вопросе Пёргелера: Poeggeler O. Heideggers Begegnung mit Dilthey // Dilthey-Jahrbuch Bd.4. S. 122.

тие-в-мире» (In-der-Welt-Sein – ср., § 12 «Sein und Zeit») явным образом ведет свое начало от лекций 1919/20 гг.

Сам мир, в который погружена человеческая жизнь, делится Хайдеггером на «мир вокруг» (Umwelt)¹⁰, под которым подразумеваются местности, ландшафты, города и пустоши и т. п., со-мир (Mitwelt) – мир родителей, братьев, сестер, начальников, учеников, незнакомцев и т. д. – и «собственный мир» (Selbstwelt)¹¹, определяемый тем, что «все это (элементы «мира-вокруг» и «со-мира» – И. М.) встречается мне тем или иным образом и сообщает моей жизни ту самую мою личную жизненную ритмику» (S. 33).

Первые шаги завершаются несколько банальными замечаниями. Но метод движения Хайдеггера как раз и заключается в пропитывании себя этими банальностями. «Мы должны держаться на заднем плане мышления без всякой научной устремленности, вслушиваться в эти тривиальности, насладиться ими сполна, причем так интенсивно, чтобы эти тривиальнейшие тривиальности стали абсолютно проблематичными» (S. 36)¹².

Хайдеггер сам отмечает, что проведенный им на страницах 33-38 анализ «не вполне чист», подробен и прояснен, и говорит, поэтому, о необходимости повторного возвращения к теме для нового описания. В § 8 речь об определенных «выделенностях» (Herausgehobenheiten) фактической жизни, которые служат проявлением более общего «рельефного характера целостной жизни по себе» (Reliefcharakter des vollen Lebens an sich). К таким «рельефным» моментам жизни Хайдеггер относит:

1. определенные черты обстановки, окружения и мира вокруг (Umgebung-, Umkreis-, Umweltcharaktere), которые «чаще всего, хотя не всегда и как раз неявно, дают себя в виде определенных отличимостей (Abgehobenheiten)», но которые встречаются в мире в «задвинутой на задний план, не принимаемой во внимание примечательности»¹³ и

¹⁰ Можно было бы перевести и как «окружающий мир», от чего мы отказались чтобы избежать переключки с экологической проблематикой.

¹¹ Один из самых сложных для перевода терминов. Строго говоря, нельзя переводить ни как «собственный мир», ни как «свой мир», ни как «мир Я» (для чего в немецком существуют другие эквиваленты). Если же попытаться использовать опыт перевода «Selbst» как «самость», то это окажется, наверное, вообще наихудшим вариантом.

¹² Вот как раз этот момент совершенно отсутствует в аналогичных размышлениях Гуссерля. То, что Хайдеггер называет «тривиальностями» соответствует установке «обыденного сознания» у Гуссерля, власть которой над мыслителем не имеет совершенно ничего позитивного: для подлинного философствования необходима радикальная смена зрения.

¹³ В оригинале: «zurückgesetzten, nicht weiter in Acht genommenen Ausgezeichnetheit». В этом месте терминологическая проблема, упомянутая нами в начале рецензии, становится наиболее серьезной. Как выйти в феномено-

«составляют определенное, в своем объеме лабильное имущество (Besitztum), фонд понятностей и непосредственных доступностей» (S. 39);

2. «примечательное взаимопроникновение (Sichdurchdringen) мира вокруг, со-мира и мира Я – только не из их суммы, но так, что отношения (Bezüge) взаимопроникновения имеют, в конечном счете, нетеоретический, эмоциональный характер. <Ведь> Я – не зритель и тем более меньше всего являюсь теоретизирующим знающим (Wissende) себя самого и своей жизни в мире»;

3. Мы встречаем далее, считает Хайдеггер, «момент стабилизации», но не в смысле затухания («Stillstellung») жизненных тенденций, но в смысле их более или менее четкой «встроенности» («Festgespannt-werdens») в «однозначные и длящиеся тенденции».

Три вышеназванные «рельефные образования (Ausformungen) жизни» никогда не становятся, по Хайдеггеру, отчетливыми выделенностями (Abgehobenheiten) в движении жизни, «но придают жизни ее нейтральную, серую и неприметную окраску, как раз и определяя «повседневность» («Alltäglichkeit»)» (S. 39). «В противоположность этим, большей частью неприметно сопровождающим жизнь в ее течении выделенностям (Abgehobenheiten), имеются и такие, которые выказывают определенное упорство, силу (Vehemenz), стремление к тирании и радикальной выраженности (Ausformung). Такова <например> научная, религиозная, политически-экономическая жизнь и жизнь искусства» (S. 39).

Вторая глава – Фактическая жизнь как многообразие проникающих друг в друга (ineinanderschleibender) слоев предоставленности (Bekundungsschichten) – вновь возвращается к феномену самодостаточности жизни (§ 9). Сам «феномен самодостаточности» не может быть замечен в жизни по себе и в ее пребывании в самой себе.» (S. 41).

Он заключается в том, что «жизни не требуется структурно выходить из самой себя, чтобы сохранить себя в соответствии со своим смыслом, что ей достаточно ее собственной структуры, чтобы преодолеть даже собственное несовершенство и недостаточность...» (S. 42). Жизнь «структурно несет в самой себе... требующиеся

логическом анализе на нечто определенное, когда все имеющиеся философские термины уже слишком богаты по содержанию? Как передать словами совершающиеся в процессе созерцания изменения? Иначе говоря: как найти соответствие между тем, что начинаешь *видеть* и языком, возможностью *сказать*? Оперирование выражениями «Herausgehobenheit», «Abgehobenheit», «Ausgezeichnetheit», «Reliefcharaktere» позволяет Хайдеггеру балансировать на грани того, что, по его мнению дозволено принципом философствования «из самих вещей». Уже здесь, на наш взгляд, внутренняя логика развития мысли Хайдеггера толкает мыслителя к проблеме языка, так называемой «теории образования понятий», которой Хайдеггер посвящает первые лекции следующего университетского семестра.

ей самой доступности (Verfügbarkeiten) как возможности исполнения выросших в ней самой тенденций» (ibid.).

Тогда, по мнению Хайдеггера, «всякая неопределенность» (jede Fraglichkeit) (не только научно-теоретическая) «получает свой ответ в структурной форме жизни по себе». Эта мысль имеет важное значение для определения характера изначальной области: «Всякая изначальная область тоже должна быть данной в самой жизни и быть проникнутой ее основополагающей структурой – если только в жизни можно найти что-либо подобное изначальной области» (S. 42).

Хайдеггер желает установить, «в каком строгонаучном смысле жизнь сама по себе может стать проблематичной (fraglich)» (S. 43). Необходимо *новое* рассмотрение самой жизни, но теперь прохождение вдоль самопонятностей жизни происходит с другой целью – выяснения, в каких «ипостасях», формах являет себя мир Я, со-мир и мир вокруг. Что происходит, например, когда мы говорим о недавно прошедшем семестре?

– «При этом вы не думаете о каждой отдельной секунде тех трех месяцев и том, что происходило во время каждой. Вы уже не помните всего, но имеете (haben gegenwärtig) определенные результаты (Begebnisse), впечатления, лекции, дискуссии, прогулки. Ни одним из этих результатов не является, например, «мюнхенский семестр», однако он стоит в вашей жизни в некой весьма определенной, хотя и размытой характеристике. ... Сам же он более не действителен (wirklich)» (S. 44). Другим примером могла бы стать прочитанная книга: «То, что стоит в различных изданиях или в машинописной ее копии, есть единое, имеющееся в виду (Gemeintes), но оно может быть понятым тем или иным образом, оно выражает себя различным образом...» (S. 44-45).

Поэтому все, чему мы встретились в живой жизни, *провозглашает* себя в связности обстоятельств (Begebenheiten) (S. 45). В таких «провозглашениях» встречается мне мир вокруг, со-мир и мир Я.

Так, например, люди, с которыми я живу, демонстрируют себя определенным поведением, манерой говорить или молчать, одеждой, настроением и вкусом. «Люди провозглашают свое Я (Selbst) в таких явлениях или – иностасях провозглашения (Bekundungsgestalten), которые при более близком рассмотрении также выражают себя различным образом. Это относится не только к отдельным людям, но и к их группам...: семья являет себя через определенные обычаи, поведение членов по отношению друг к другу ...» (S. 45) и т. п.

В § 11 – «Наука как связность выражения фактической жизни» – Хайдеггер заявляет, что «эта новая примечательная структура живой жизни самой по себе», заключающаяся в том, что в ней все каким-либо образом себя выражает, *действительна и для особенных оформленностей ее тенденций*, например, для науки» (S. 46). Так, «мир вокруг,

РЕЦЕНЗИИ

который каждый раз являет себя по-новому, но всегда дает себя как более или менее один и тот же, может (хотя и не <обязательно> должен) стать исходной основой (Ausgangsboden) различных наук. Вещи мира вокруг берутся в новой тенденции ... и становятся провозглашающим (Bekundenden)» (S. 46). При таком подходе перестает быть проблемой определение, что в каждом конкретном случае следует считать источником (Quelle) – это зависит от соответствующего объекта исследования, то есть от темы и постановки вопроса¹⁴.

Проблема источника важна для Хайдеггера в связи с тем, что «из наличностей мира вокруг и со-мира (Umweltvorfindlichkeiten, Mitweltvorfindlichkeiten) выделяются типичные процессы (Verläufe), которые каким-то образом делают возможным возвращение». Это возвращение оказывается возвращением к прошедшему (Vergangenheit), которое существует, опять-таки только в (определенных) провозглашениях (Bekundungen).

«Все, что касается жизни, в чем она движется, всегда представляет себя, «как-то» дает себя. Эти связности провозглашения становятся все более сложными, когда на наличностях жизни (Vorfindlichkeiten des Lebens) выстраиваются науки...» (S. 49). То, что нечто, нечто пережитое «всегда *каким-то* образом дает себя», мы можем, считает Хайдеггер, сформулировать еще и так: «оно является, оно есть феномен» (S. 50). Феномен используется на этом этапе анализа как «еще пока очень расплывчатый, но черпаемый из созерцания характер провозглашения (Bekundungscharakter), который показывает все, чему мы в жизни встречаемся» (ibidem).

Далее Хайдеггер пытается различить характер использования термина «феномен» исторических дисциплин от «феномена» в естественных науках, в определенной мере продолжая традицию немецкой проблематики наук о духе и наук о природе. И здесь Хайдеггер обращает наше внимание еще на один важный аспект, который предшествует самому разделению наук на «гуманитарные» и «естественные». Что происходит с миром, когда он становится объектом рассмотрения науки — безразлично какой? «Мир» существенным образом *меняется*, ибо оказывается в этом случае взятым в некоем ином аспекте, совершенно отличном от наивного «всматривания» человека в окружающее. Мир берется тогда, по выражению Хайдеггера, в определенную «теоретизирующую функцию». «Физическая природа», исследуемая, например, в физике, превращается в некую совокупность мира вещей (Dingwelt), имеющую уже мало общего с «миром вокруг». Таким образом, связность представленности (Bekundungszusammenhang), с которым мы имеем дело в случае мира физических тел обусловлена самим «смыслом естественно-научной объективации» (S. 53)

¹⁴ Здесь Хайдеггер ссылается на книгу: Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Leipzig 1908. S. 252.

соответствующей науки. Хайдеггер облакает в новые слова проблематику Дильтея, заявляя, что некую связность представленности, зародившуюся в определенной науке, «нельзя переносить в другие науки и, еще менее, на различные области и миры жизни» (S. 53). Но если у Дильтея эта мысль служит лишь борьбе с необоснованными претензиями точного знания на власть над миром человека, то Хайдеггер понимает свою задачу значительно шире. Ему важно (правда, этот вывод может быть подтвержден лишь на основе анализа более поздних сочинений) показать, что нет оснований испытывать особого трепета перед «идеалами и нормами» науки как таковой — ведь она всегда есть лишь только часть мотивов и тенденций развития цельной жизни.

В § 12 Хайдеггер возвращается к начальному пункту рассмотрения — фактической жизни в уровнях ее провозглашения. Только если сперва он говорил о том, что «все встречающееся в жизни встречается “как-то”», то теперь делается акцент на самом этом «Как-то» (S. 54). Еще раз, только теперь в новой формулировке повторяется важное замечание относительно того, что «наука» есть *лишь одна* из связностей представленности среди других» (S. 55).

Как было показано выше, этот логический ход направлен на подрыв абсолютного главенства науки в человеческой культуре. Тем не менее, Хайдеггеру важно сохранить «науку» как фон своего анализа из-за конечной нацеленности на «науку о жизни», «изначальную науку». Примечательно, что уже здесь «изначальная наука» обозначается как «герменевтическая» (S. 55, Anm. 2).

Поскольку Хайдеггера интересует наука о жизни, то далее — в качестве примеров — следует перечисление тех ее форм, в которых происходит самоосмысление жизнью самой себя (§ 13). Здесь Хайдеггер более или менее традиционен, выделяя такие формы самоосмысления как автобиографию и биографическое исследование¹⁵. Возможность автобиографии покоится на той фундаментальной характеристике, что «фактическая жизнь особенно отчетливым образом может быть центрирована в мире Я (Selbstwelt)» (S. 57). Автобиография может быть достаточно различна по своему характеру — внутренний монолог, мемуары, дневники и т. п. — но, как правило, не является научной формой выражения мира Я¹⁶. В биографически-историческом исследовании мир Я должен, напротив, быть приведен к «научно-объективной форме выражения» (S. 58).

¹⁵ Здесь Хайдеггер ссылается на книгу: Misch G. Geschichte der Autobiographie. Bd. I. Leipzig u. Berlin. 1907. Следует отметить, что автор ее, в свою очередь, опирается на исследования в этой области В. Дильтея.

¹⁶ Так, Хайдеггер отходит от Дильтея, считавшего автобиографию «высшей и наиболее instructive формой, в которой являет себя понимание (жизни)» — Ср.: Dilthey W. Gesammelte Schriften Bd. VII. Göttingen S. 199.

Попытаемся подвести **предварительные итоги** хайдеггеровских исследований. Сначала было установлено, что фактическая жизнь может реализовывать (vollziehen) и демонстрировать (kundgeben) себя в своей жизни, мире вокруг и со-мире неким *выделенным, от-деленным* образом, а затем, что такая жизнь или миры Я могут стать «объектам исторически-научного понимания и соответствующего отображения» (S. 58). Важным здесь является то, что мир вокруг, со-мир даются *через* «мир Я». Выражая это другими словами, Хайдеггер говорит, что фактическая жизнь определенным образом «заострена» на мире Я (§ 14, S. 59-64). Именно это убеждение — что фактическая жизнь может быть как-то центрирована в мире Я — так, что мир Я при этом приобретает определенную «функциональную выраженность» лежит, по мнению Хайдеггера, в основе любого исторически ориентированного, «понимающего» исследования, каковым является, например, биографическое. Примечательным в хайдеггеровском анализе является то, что особая выделенность мира Я стала заметна лишь при обращении анализа к миру исторических дисциплин (S. 59-60). Хайдеггеру необходимо сохранить обе эти вещи: с одной стороны, «историческое», намек на которое содержится в самом характере биографического жанра, и, с другой, «особую выделенность» мира Я, которая косвенно обосновывает хайдеггеровское внимание к «жизни».

Хайдеггер полагает, что заостренность фактической жизни на мир Я не есть нечто, что зависит от способа нашего рассмотрения или особой направленности внимания, но нечто, что определяется самим характером протекания и воплощения жизни. Наиболее радикальной исторической парадигмой перенесения центра тяжести фактической жизни в мир Я являлось, по Хайдеггеру, христианство с его аскезой и отрицанием мира и т. п. (S. 61).

«Великой революцией, направленной против античной науки и прежде всего против Аристотеля явилось то, что “внутренний опыт и новые позиции жизни (Lebensstellungen)” были вставлены в формы выражения античной науки» (S. 61).

Именно благодаря этому обстоятельству выраженности всей жизни через мир Я «становится понятным, почему у Августина мы встречаем нечто подобное его «Исповеди» и «О Граде Божьем». Crede, ut intelligas: жизненно проживай свое Я (lebe lebendig dein Selbst) — и лишь на этой познавательной основе, твоим последним и наиболее полным самопознанием выстраивается познание» (S. 62). Интерпретация философии Августина служит для Хайдеггера лишь примером того, как на основе центрированности жизни в мире Я может происходить «формирование совершенно новых контекстов выражения — вплоть до того, который мы сегодня называем историей» (S. 61).

На этом этапе хайдеггеровского изложения следует заметить, что в контексте вышеобозначенного интереса Хайдеггера к «истории и жизни» Хайдеггеру удастся, наконец, найти в жизни точку, из которой может быть развернута и прослежена ее связь (единство) с *историей*. Действительно, именно с этого момента становится возможным все более сближать область «истории» и область «жизни». Вновь подводя итоги своего рассмотрения — «Жизнь как фактическая в определенной степени каждый раз центрирована в некоем мире Я. Из последнего произрастают (entwachsen) тенденции». — Хайдеггер добавляет: «Из (собственной) *истории* (выд. нами — И. М.) самого *мира* Я пробуждаются мотивировки к новым тенденциям, и исполнение этих последних всегда возвращается назад к миру Я и его конкретным ситуациям, готовым к исполнению...» (S. 63). «История» и «жизнь» сближаются друг с другом сначала на уровне научного *описания*, но, пока еще, не на уровне *научно-рационального* объяснения.

Вторая часть лекций — ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК ИЗНАЧАЛЬНАЯ НАУКА О ФАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПО СЕБЕ — начинается с **первой главы** «Наука как связность выражения жизненной области», § 15, «Этапы и моменты априорного генезиса контекста выражения науки».

Важнейшие тезисы могут быть сформулированы следующим образом:

1. Науки представляют собой <определенные> связности выражения, произрастают из фактического жизненного мира, когда «определенные области встречающегося в фактической жизни выделяются (herausheben) и представляют себя особым (eigentümlichen) образом, <т. е.> являются (S. 65). Итак, «наука выбирает для себя *определенный вырез жизненного мира*» (S. 207-208). — выд. нами — И. М.

2. Если мы рассмотрим теперь, каким образом фактический жизненный мир должен войти в связность науки, то очевидно, что «*фактическая ... жизнь берется в тенденцию научной познаваемости* (wissenschaftlichen Erkenntn-werdens) (S. 66) — (выд. нами — И. М).

3. Важно, что с тем, «что должна выразить наука», она *предварительно «должна каким-то образом повстречаться как с научно еще не выраженным. ...* (выд. нами — И. М.)» (S. 66-67; 208).

4. Оно должно предстать перед ней, стать уловимым для нее, причем как нечто, «*что само несет в себе возможность войти в научную связность провозглашения* (выд. нами — И. М.) (S. 66-67).» «Именно это обстоятельство — что каждый из нас в своей фактической жизни встречает то или это, или что с ним «случается» та или иная встреча, что он знакомится с чем-то, что производит на него впечатление, поражает его, что он «подчиняется другому человеку» мы обозначаем словом из-ведать («er-fahren»), т. е. достичь, найти на ведении жизни (Fahrt des Lebens)...» (S. 67).

Хайдеггер намеренно сохраняет двойственность термина «познание» (Erfahrung) — как так же и того, *чему* встречаются. Это

РЕЦЕНЗИИ

необходимо для того, чтобы определить впоследствии опыт, познание как в определенном смысле доступное или как «доступность» (Verfügbarkeit).

5. Итак, познание есть *доступное*, причем доступное в двояком смысле: активном (т. е. что я могу этим пользоваться) и пассивном (что ставшее моим достоянием становится каким-то образом определяющим в дальнейшем опыте моей жизни (S. 208).

6. «Доступность» (Verfügbarkeit) сама может быть обозначена как феномен, из нее «могут вытекать другие тенденции, без того, чтобы я жил в этих тенденциях» (S. 69).

7. Опытное (или: «познанное» — das Erfahrene) «*имеет примечательный характер смешанного, многообразного* (выд. нами – И. М.)», что, вслед за Штефаном Георге, крупным представителем немецкой исторической школы XIX века, Хайдеггер называет «ковром жизни».

8. Этот «ковер», мало выделяющийся на общем фоне фактической жизни, «не может стать опытным основанием науки» (S. 69). *Необходимо «убрать ковер»*, что, во-первых, означает выполнение требования, рассмотренного нами под пунктом «2» – взятие данного нам многообразия *как какой-то определенной тенденции* – и, во-вторых, *выделение в этом «ковре» некоего единообразного предметного характера* (einheitlichen Sachcharakter) (S. 69). Таким образом подготавливается предметно-единая основа познания (sacheinheitlicher Erfahrungsboden). По-видимому, «единообразие», «единство» выделяемой основы науки служит для Хайдеггера выражением более общей тенденции науки на «общезначимую связанность» (S. 209). Однако этим характеристики искомой «основы познания» не ограничиваются.

9. В образовании (подготовке, выделении – все это лишь различные синонимы для одного и того же) основы познания необходимо определенное *вырывание наличного опыта из его отнесенности к моему Я*:

«Я могу определенным образом оттолкнуть от себя опыт, «оборвать мои личные с ним связи». И вот, когда «связи с вошедшим в опыт обрваны», доступность (Verfügbarkeit) «исчезает, <правда> не как целое — разрушается лишь характер ее отнесенности к моему Я (S. 209).»

10. «Перечеркивание отношения опытного к миру Я есть одновременно позитивная его характеристика: характеристика как чистой вещи (Sache)». В результате этого возникает, по Хайдеггеру, «возможность для этой вещи быть рассмотренной в соответствии с ее вещным характером и вещным контекстом. Весь опыт стал теперь свободным от «меня» и может выступать в «своей» связности» (S. 209).

Хайдеггер считает нужным повторить, что формирование «опытной основы» для какой-либо науки «может осуществляться только в тенденции науки, собирающей себя утвердить, а эта тенденция, в

свою очередь, возможна в своем Что и Как только из жизненного мира, от которого отделяется (abhebt) чистая предметная область (S. 69).»

Итак, из *основы познания* (Erfahrungsboden) науки может формироваться ее *предметная область* (Sachgebiet) (S. 70).

Выделенная в п. 3 пред-данность фактического жизненного мира всякой науке оказывается важной для уточненного понимания «данности», относительно сущности которой Хайдеггер спрашивал ранее (S. 5). «Данность» оказывается «пред-даным» (Vor-gabe), и, в определенном смысле, всегда является продуктом (Leistung) самой науки.

В § 17 — «Наука и связь (Bezug) с ситуациями мира Я как тенденция к обезжизниванию (Entlebung) жизненных миров» — обсуждаются этапы и моменты «априорного генезиса» связности выражения «наука».

Подводя итоги, Хайдеггер говорит, что жизненный мир входит в контекст выражения науки так, что этот процесс можно разделить на три этапа:

- а) подготовку опытной основы (Efahrungsboden);
- б) оформление предметной области (Sachgebiet);
- в) образование элементов конкретной логики.

Прежде чем рассматривать, в какой мере и степени наука занимается «обезжизниванием» жизненных миров, Хайдеггер подчеркивает, что «... научную связность выражения всегда входит нечто от не-научно дающего себя жизненного мира» (S. 76). «Фактические жизненные миры и их богатство входят в научную связность выражения, но все же теряют как раз специфически жизненное ... Жизненные миры берутся в науке в тенденцию обезжизнивания (Entlebung) и фактическая жизнь лишается как раз единственно живой возможности своего живого осуществления (Vollzug)» (S. 77-78).

В § 18 — «Сложности идеи феноменологии как изначальной науки о жизни по себе» — вновь тематизируется изначальное сомнение: «может ли вообще наука понять и выразить жизнь так, чтобы та, в ее живости, заявила о себе в своем подлинном образе. Над Хайдеггером еще довлеет понимание феноменологии как «строгой науки», сформулированное Гуссерлем в 1911 году. Хайдеггер пытается определить, не делает ли это требование бессмысленным построение феноменологии как «изначальной науки о жизни» (S. 78). Это — *первое* возможное возражение против феноменологии жизни, которое рассматривает Хайдеггер.

Феноменология, далее, «должна быть изначальной наукой о жизни самой по себе, т. е. не о том или ином срезе жизненного мира, но о самой жизни. Откуда, однако, должен тогда взяться для этого опытная основа (Erfahrungsboden)? Ведь познаваемы всегда только определенные срезы (Ausschnitte) фактической жизни, определенные ее фазы, и все это — опять-таки только в определенных фактических

аспектах» (S. 79). — Таково *второе* возражение. *Третьим* возражением становится возможная «избыточность» такого рода «изначальной науки» о жизни, изучением которой занимается уже и без того значительное количество наук (S. 80).

Найти ответы на эти возражения Хайдеггер пытается в § 19. «Исследоваться должна не сама фактическая жизнь и нескончаемая полнота проживаемых в ней миров, но жизнь *как становящаяся (als entspringend)*, как из начала исходящая (aus einem Ursprung hervorgehend). Таким образом, ведущим является тенденция понимания жизни из ее начала, и эта тенденция является определяющей для способа, каким подготавливается основа познания <науки> и формируется ее очевидная объектно-предметная область» (S. 81).

Это соображение снимает *второе* возражение – хайдеггеровская феноменология не вступает в этом случае в «конфликт» с другими науками, но оставляет *третье* и *первое*.

Дополнительные сложности возникают в связи с тем, что если жизнь должна быть понята «изначально-научно, как из начала начинающаяся («...ursprungswissenschaftlich aus dem Ursprung entspringend...») (S. 82)», то как следует искать тогда это «начало» (Ursprung)? Опять формулируются уже знакомые нам требования: начало должно быть доступным само, причем «из фактической жизни, которая есть мы и которой мы живем» (S. 82), «в самой жизни должны находиться мотивирующие указатели, которые намечали бы изначальноное» (ibidem). Пусть, сперва, будет найдена «предварительная форма изначальной области (Vorform des Ursprunggebietes)», – говорит Хайдеггер. Исследователю предстоит новое «оглядывание» в фактической жизни.

«В фактической жизни мы должны встретить виды опыта, содержание которого указывает на нечто; однако не так, что то, на что указывается, окажется <всего лишь> другой областью опыта – должно быть явлено некоторое отличие (Auszeichnung), преимущественное положение (но не в ценностном смысле). (Предварительная форма изначальной области). При этом оглядывании в фактической жизни мы должны действовать как можно более беспредпосылочно, т.е. мы не должны подходить к жизни с определенными теориями о ней. По отношению к ней мы должны воздерживаться от любой оценочной позиции» (S. 83).

Что оказывается возможным встретить при таком «осматривании»?

«Мы встречаем религиозный жизненный мир, равно как и мир искусства, экономики, политики – все чтойные содержания (Wasgehalte), которые познаваемы в жизни, и о которых один не знает ничего, а другой познает их особенно интенсивно. Затем <мы встречаем> вещные области, сформированные из этих миров, объекты различных наук – объекты принципиально различные по своему. Что: растения, простейшие, инфузории, птицы, минералы, электрические процессы, произведения искусства, государственные

образования ... Каждая объектная область отлична от других. Как чтойные содержания <находящиеся> в чистом предметном рассмотрении (Sachbetrachtung), ни один не стоит над другим и не подчинен другому. Итак, ни одно из этих чтойных содержаний ... не может играть для нас особой роли» (S. 83-84).

Уже здесь ясно, что не «Что», а «Как» будет преимущественно интересоваться Хайдеггера. (Здесь мы должны помнить, что различие «Что» и «Как» весьма важно для его последующих размышлений)¹⁷. Но философ находит еще одно возражение, связанное с нашей погруженностью в «чтойное содержание», которое неожиданным образом обнаруживает свой *позитивный* характер:

«... Даже если мы целиком исключим все наши фактически-личные связи, один будет видеть <эти> вещи и чтойные содержания иначе, чем другие. И прежде всего: мы ведь фактически живем в определенном периоде духовной истории, где и в чистой вещиности мы видим мир по-разному. Так, и эта мнимая опора на чтойные содержания все же относительна и отягчена предпосылочностью...» (S. 84)

Хайдеггер констатирует *относительность* нашего рассмотрения. *Позитивный* характер этой относительности обнаруживается, когда мы задумываемся над ее смыслом: если все относительно, то здесь всегда подразумеваемся *мы* как *то*, по отношению к *чему* нечто может быть относительным. Делается важный вывод:

«чтойные содержания предметного рассмотрения всегда определенным образом дают себя в <некотором> «Как» («Wie»), таким образом имеет место <их> фактичная заостренность на фактическую жизнь Я отдельных, многих, всех поколений в жизни, столь же фактичная как и чтойное различие предметных содержаний. Эта заостренность есть не чтойное содержание, а «содержание того, как...» (Wiegehalt), в котором может находиться любой из столь различных чтойных содержаний» (S. 85).

Так Хайдеггер обнаруживает нечто, что, как будто, на самом деле обладает определенным «преимущественным положением», не будучи завязанным на какие-либо формы предметности — им оказывается указывающее на «мир Я» «содержание того, как...» (Wiegehalt) дано все,

¹⁷ Ср., напр., характеристику феноменологии как исключительного «Как» исследования (GA 63, 74) — мысль, которая получает свое обоснование, в конечном счете, в лекциях по «Основным проблемам феноменологии»; см. также хайдеггеровское ограничение сферы применимости «феномена» классической феноменологии (GA 17, 14).

что можно обнаружить в фактической жизни. Мир Я оказывается искомой «изначальной областью» (Ursprungsgebiet)¹⁸.

§ 20 посвящен основным формам научного овладения миром Я. Именно тем, что мир Я определенным образом выделен в жизни (eine Betonung hat im Leben), Хайдеггер объясняет тот факт, что наука о нем -- психология -- постоянно претендует на главенствующую роль в системе наук (S. 87-88). Далее кратко разбираются основные парадигмы, связанные с изучением мира Я, называющие его то «душой», то «органическим», завершающиеся различными теориями психологии, общим для которых является, по Хайдеггеру, тенденция «строгонаучного познания мира Я», верная постольку, поскольку исключает все метафизические, религиозные и прочие тенденции (S. 92).

Завершая наше изложение хайдеггеровских лекций, мы перейдем ко **Второй главе**, «Феноменологическая подготовка основы познания для изначальной науки о жизни», которая начинается с экспозиции задач, связанных с искомой теоретически-научной связностью выражения мира Я и важна поисками Хайдеггером новых терминов для обозначения того, что становится объектом пред-научного рассмотрения.

Теоретически-научное выражение мира Я является здесь главной целью исследований. Контекст (или связность), в которой это выражение должно осуществиться, Хайдеггер предварительно обозначает «психологией», оговаривая, что название не имеет на этом этапе его исследований не имеет большого значения.

Для достижения этой общей цели, необходимо получение «чистого основополагающего опыта мира Я» (genuinen Grunderfahrung der Selbstwelt), из которого должны получить свою мотивацию сами тенденции теоретического выражения.

Заполучение основного опыта мыслится Хайдеггером не так, что опыт должен быть каким-то образом «осуществлен», но – мы должны стать владеющим им (habhaft zu werden) в «его осуществлении и осуществленности» (Vollzug und Vollzogensein) (S. 95).

Для этого Хайдеггер считает необходимым вновь вернуться к начальным рассмотрением фактической жизни. В начале своего анализа Хайдеггер уже отмечал, что «наша фактическая жизнь есть наш мир – мы всегда как-то встречаемся <ему>, будучи «захвачены», оттолкнуты, восхищены, испытывая отвращение ...» (S. 96). Возвращение к изначальному рассмотрению фактической жизни как «нашего мира» выявляет главную трудность, с которой сталкивается Хайдеггер:

«В этой жизни окружающего мира (Umweltleben) нет никакого теоретического вопроса о существовании. Я вживаюсь в живом

¹⁸ Можно предварительно принять следующую схему взаимосвязи понятий, связанных с «началом» науки: изначальная область (Ursprungsgebiet) → основа познания (Erfahrungsboden) → предметная основа (Sachgebiet).

движении (Zugrichtung) в мир и из-живаю его (lebe sie aus). В этом движении фактической жизни я временами встречаю и себя самого, правда, чаще всего бегло» (S. 96).

Вновь ставится вопрос об истоках проблем и теоретического.

Хайдеггер исходит теперь из «заостренности» фактической жизни на «мир Я» (S. 98). На многие мысли хайдеггеровских лекций наложила печать его неявная полемика с Гуссерлем. «Заостренность фактической жизни на мир Я» выполняет у Хайдеггера ту же функцию, что и «сознание» в гуссерлевской феноменологии. Идея «философии как строгой науки» оказывается также слишком мощной для того, чтобы Хайдеггер мог отказаться от нее сразу. Он соглашается, что «подлинный мотив» (феноменологии) должен заключаться в «строго научном, исходящем из вещей исследовании психических феноменов», имеющем целью «обретение» ««чистой предметной области» для его методически строгой обработки (S. 98).

Однако для этого необходима пред-данность необходимого первичного опыта (Grunderfahrung) (S. 99), и здесь права «научности» существенным образом ограничиваются. «Нерасчлененный опыт жизни» (unabgehobene Lebenserfahrung) должен сначала быть приведен к «полному созерцанию». Ведь в конечном счете «первичные опыты», поскольку они являются «последними феноменами», не поддаются объяснению но «становятся полностью видимыми в их феноменальной полноте» (S. 103). В процессе такого «полного созерцания» — если мы «не будем думать и о чем и забудем о мире вокруг, со-мире и “мире Я”», а будем фактически жить в некоем Что — мы придем к выводу об условности, поверхностности излишнего внимания к проблеме «существования» (Existenz):

«Поскольку я фактично живу во всем сказанном¹⁹, будучи занятым им в соответствии с его содержанием тем или иным образом, участвуя в нем так или иначе, то все ставшее опытом — как бы гетерогенно оно ни было — имеет один и тот же смысл существования» (S. 104).

Хайдеггер пытается перенести внимание слушателей с более привычных категорий, каковой является, например, «существование» на понятия, более соответствующие фактической жизни. «Существование» заменяется «значимостью» (Bedeutsamkeit): «За чаем я беру в руку чашку; во время разговора она стоит передо мной на столе. Дело обстоит не так, будто нечто цветное или какие-либо данные ощущений я опознаю как вещь, а эту вещь — как чашку, определенную в пространстве и времени, как что-то, что дает себя в последовательности вос-

¹⁹ Этому размышлению предшествовало одно из описаний Хайдеггером повседневного опыта — обыденных ситуаций: поиск подходящего выражения во время лекции, посещение табачной лавки, выслушивание разглагольствований ее хозяина, и т. п.

РЕЦЕНЗИИ

приятий и могло бы не существовать. “Моя чашка из которой я пью” — в ее значимости <для меня> находит свое исполнение ее действительность (Wirklichkeit)...» (S. 104). Реальны не какие-либо теоретические вопросы, а Это обстоятельство разъясняется Хайдеггером еще на одном примере.

«Когда я вижу приветствующего меня знакомого и <в этом> фактическом видении сердечно отвечаю на его привет, то я вижу его приветствие не как движение материального тела в объективном пространстве, которое я опознаю как знак приветствия и из того заключаю: значит, я должен тоже сделать движение, которое станет причиной того, что другой воспримет это как особое движение и поймет его как *мое* приветствие. Я просто вижу, что он приветствует меня, и существование знакомого есть для меня в этой ситуации определенная значимость» (S. 105).

Таким образом, любой опыт существования сосредоточен для Хайдеггера целиком в конкретной фактической значимости.

Мы говорили, что тексте лекций «Основные проблемы феноменологии» нет ничего, что можно было бы взять на вооружение или оценивать как позицию. В этом же смысле в тексте нельзя найти некое особое место, где можно было бы поставить точку, обозначив ей завершение исследований. Но это значит, что «Bedeutsamkeit» — важную категорию последующей хайдеггеровской мысли — можно использовать здесь как повод прервать изложение и поставить многоточие...

И. Михайлов

Bambach, Charles R.
Heidegger, Dilthey and the crisis of Historicism

Cornell University Press. 1995. 297 P.

ISBN 0-8014-3079-8

Ключевые слова

Barth, Karl; chronos, Dasein, Descartes, Dilthey, Droysen, Gadamer, Gogarten Fr., Heidegger, hermeneutic situation, Historicism, Husserl, Intentionality, «Introduction to the Phenomenology of Religion», kairos, «Kehre», Luther, Neo-Kantianism, Post-Hegelian philosophy, Ranke, Rickert, Schleiermacher, «Sein und Zeit», Windelband, Young Heidegger

Автор исследования – профессор отделения Истории идей и философии Техасского университета г. Далласа. Свою монографию он начинает с общей характеристики немецкого мышления периода с 1880 по 1930 гг., рассматривая философов, непосредственно связанных с т.н. «кризисом историцизма» – Вильгельма Виндельбанта (1848-1915), Генриха Риккерта (1863-1936), Вильгельма Дильтея (1833-1911). В качестве эквивалента немецкому термину «Historismus» использует английский «historicism», специально оговаривая отличие своего использования этого термина от попперовского.

Как можно было бы судить по оглавлению, мы имеем здесь дело с традиционной историко-философской работой. Однако для этого исследования характерно пристальное внимание к современности. Одной из центральных тем является рассмотрение апорий современной философии. Автор полагает, что «фундаментальные противоречия современного мышления (modernist thinking) могут быть укоренены в эпистемологических и методологических дискуссиях рубежа XIX – XX вв.» (р. 14). Именно в контексте озабоченности проблемами современности и происходит обращение автора к проблемам немецкой философии истории.

В настоящее время мы не испытываем особого недостатка в работах по философии истории или просто в исследованиях, посвященных отдельным историческим проблемам. Однако до сих пор остается не вполне проясненным феномен философии начала XX века, заключающийся в том, что «историческое» или «временное» оказалось в определенной степени деобъективизированным¹. Так, всем нам присуща некоторая вера в «реальность» времени. Поэтому, когда у Хайдеггера, например, мы находим предположение, что «время есть мы сами», то, даже если мы соглашаемся с ним, то с превеликими оговорками. Достоинство же рецензируемой работы как раз в том и заключается, что автор вскрывает ограниченность такой

¹ Достаточно емко это выражено Г.-Г. Гадамером: «Фундаментальный характер историчности не зависит от факта, что человеческое существо обладает историей, но, скорее, вся история зависит от изначальной темпоральности и историчности человеческого существа». - Gadamer H.-G. «Geschichtlichkeit» // Religion in Geschichte und Gesellschaft. 3. Tübingen: J.S.C.B.Mohr. 1959. S.1496-1498.

«нейтральной» или «объективной» темпоральности и разъясняет причины необходимости деструкции Хайдеггером лежащей в основе традиционной науки S-O — схемы.

На наш взгляд наиболее интересная часть работы – анализ истолкования Хайдеггером так называемого «кризиса» (понимаемого в общегуманитарных исследованиях совершенно по-разному: как «кризис» философии культуры, ценностей и т.п.). Бамбах показывает, что Хайдеггер и не пытался отрицать нестабильность, тревогу ситуации кризиса, не пытался преодолевать «кризис» каким-либо «более прочным» основоположением (фундированием) метафизики. Напротив, он постарался рассмотреть сам кризис как изначальное состояние любой подлинной науки и философии (Р. 15).

Работа Бамбаха – одна из немногих, в которых удачно вскрываются теологические истоки мышления Хайдеггера². Хайдеггер «не просто позаимствовал свои идеи из теологии, но облек их в новый язык, который, как он (Хайдеггер — И.М.) надеялся, сработает против абстрактной концептуальности метафизики...» (Р. 200). В связи с этим, одной из главных своих философских задач в 20-е годы Хайдеггер видел в деструкции нео-кантианской «кафедральной философии», которая была бы аналогична деструкции Лютером схоластики (Р. 197).

С такой трактовкой «кризиса» Бамбахом связана и его интерпретация «поворота» (Kehre)³ Хайдеггера. Это, по мнению автора, не какой-то «сдвиг» в мышлении мыслителя, но «поворот в истории самого бытия, понимаемый в эпохальном масштабе» (Р. 202-203).

Обозначенными вопросами далеко не исчерпывается перечень заслуживающих внимания тем. Мы надеемся продолжить обсуждение этой книги на страницах нашего издания.

И. Михайлов

² В этом контексте становится понятным высказывание Хайдеггера о том, что без католицизма «он не вышел бы на дорогу мышления» – Heidegger M. *Unterwegs zur Sprache // Gesamtausgabe*. Bd. 12. Frankfurt a.M. 1979. S. 91.

³ Следует отметить, что автор протестует против перевода немецкого «Kehre» английским «reversal».